УДК 82

ВОПЛОЩЕНИЕ «ДУХА ВЕЛИКОГО ИНКВИЗИТОРА» В ОБРАЗЕ ЧЕКИСТА В ПОВЕСТЯХ «ЩЕПКА» В. ЗАЗУБРИНА И «ШОКОЛАД» А. ТАРАСОВА-РОДИОНОВА

О.С. Сухих

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ruslitxx@list.ru

Поступила в редакцию 23.08.2010

Анализируется подход В. Зазубрина и А. Тарасова-Родионова к изображению человека, вынужденного ради гуманной, по его мнению, цели использовать антигуманные средства. Отмечаются переклички в проблематике и основных мотивах повестей «Шоколад» А. Тарасова-Родионова и «Щепка» В. Зазубрина, а также рассматривается воплощение мотива жертвенности в этих произведениях и в «Легенде о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского.

Ключевые слова: революция, цель и средства, натура и идея, чекист, великий инквизитор, жертвенность, нравственные страдания.

«Легенда о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского представляет собой сложный комплекс философских взглядов, среди которых особое значение имеет идея «насильственного счастья», т. е. мысль о том, что человечество нужно «железной рукой» привести к счастью, а сделать это смогут «великие и сильные» люди, которые точно знают, в чём состоит счастье остальных. Эта идея уже не раз воплощалась в мировой истории, в том числе и в истории России XX в. Как отмечал Н. Бердяев, «дух великого инквизитора может являться и действовать в разных обличьях и формах, он в высшей степени способен к перевоплощению» [1, с. 266]. И одним из воплощений этого духа стала Октябрьская революция. Установление диктатуры пролетариата, красный террор – всё это в советские времена рассматривалось как путь к светлому будущему, а к концу XX в. стало многими восприниматься как банальная борьба за власть (кстати, точно так же по-разному воспринимается в критике философия великого инквизитора: как стремление к «власти, земным, грязным благам» [2, с. 327] или же как желание осчастливить человечество). В этом вопросе в поисках истины, на наш взгляд, плодотворнее всего будет обращение не к учебникам истории, которые, судя по опыту последних десятилетий, легко переписываются, а к искусству, в частности к литературе 20-х гг. XX в., которая отразила общественные процессы такими, какими их видела, правда, с разных позиций. В данной статье мы рассмотрим повести «Щепка» В. Зазубрина и «Шоколад» А. Тарасова-Родионова, в которых раскрывается философия красного террора и создаётся образ чекиста – человека, осуществляющего этот террор. Фигура сотрудника ЧК была весьма популярна в литературе 20–30-х гг., особенно в «комсомольской» поэзии, для которой характерна была определённая романтизация образа коммуниста вообще и чекиста в частности. Например, С. Куняев в статье, посвященной литературе послереволюционных десятилетий, приводит множество цитат из стихов Э. Багрицкого, П. Антокольского, М. Светлова, Д. Алтаузена, в которых чекист изображён как твёрдый и несгибаемый борец за революцию, как некий идеал непреклонности [3]. На фоне таких произведений повести В. Зазубрина и А. Тарасова-Родионова выглядят нестандартно (а потому и интересно), так как здесь авторы показывают работу чекиста в ином ракурсе – как морально тяжёлое и жестокое дело, которое накладывает роковой отпечаток на характер и судьбу человека, порождает его духовную драму. В этих повестях нашёл своё воплощение один из важных аспектов идеи великого инквизитора – **жертвенность**.

На первый взгляд великий инквизитор изображён Ф.М. Достоевским в качестве палача, а не жертвы (в критике его порой называют «палачом и теоретиком палачества» [4, с. 175]). Но в своём монологе он не случайно поднимает тему **нравственных страданий**. Ради безмятежного счастья миллионов людей он вынужден скрывать от них правду о том, на каком «фундаменте» покоится это счастье и что ожидает «счастливых младенцев» в конце их жизненного пути. Сама по себе необходимость обмана становится причиной глубоких нравственных страданий великого инквизитора: «В обмане этом и будет заключаться наше страдание,

ибо мы должны будем лгать» [2, с. 319]. Иван Карамазов, автор «поэмы» о великом инквизиторе, в диалоге с Алёшей называет и другую причину страданий своего героя: «… вести людей уже сознательно к смерти и разрушению и притом обманывать их всю дорогу, чтоб они как-нибудь не заметили, куда их ведут, для того чтобы хоть в дороге-то жалкие эти слепцы считали себя счастливыми. И заметь себе, обман во имя того, в идеал которого столь страстно веровал старик во всю свою жизнь! Разве это не несчастье? И если бы хоть один такой очутился во главе всей этой армии, «жаждущей власти для одних только грязных благ», то неужели же не довольно хоть одного такого, чтобы вышла трагедия?» [2, с. 329]. Великий инквизитор не говорит в своём монологе, что страдает также из-за необходимости осуществлять насилие, хотя он обрекает на казнь сотни «еретиков». Однако можно предположить, что если ложь как поступок антиморальный вызывает у него муки совести, то тем более он должен страдать из-за того, что практически становится убийцей. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что он, решив казнить Пленника, всё же не может переступить через истинно человеческое начало в собственной душе и осуществить своё намерение, то есть насилие противно его натуре, и это не может не вызывать у героя моральных страданий. В романе «Преступление и наказание» Раскольников говорит, что нужно быть личностью наполеоновского типа, чтобы держать в руках власть над человеческим «муравейником», чтобы «сказать новое слово миру», осуществить нечто великое и ради этого, возможно, пожертвовать чьими-то жизнями. Наполеон, по мнению Раскольникова, не задумываясь решился бы на такой шаг: «… не только его не покоробило бы, но даже и в голову бы ему не пришло, что это не монументально… и даже не понял бы он совсем: чего тут коробиться?» [5, с. 396]. В «Легенде о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевский создаёт фигуру столь масштабную, что по сравнению с ней, пожалуй, даже Наполеон будет восприниматься как «тварь дрожащая». Тем не менее масштабность личности не исключает простых и естественных человеческих чувств, которые причудливо переплетаются в душе великого инквизитора с качествами палача. Как отмечал В. Розанов, в «Легенде» слиты воедино «замысел величайшего преступления, какое было совершено когда-либо в истории, с неизъяснимо высоким пониманием праведного и святого» [6, с. 133]. Во внутреннем мире великого инквизитора сопрягаются гуманность и жестокость, и его образ являет собой воплощение живого противоречия между добром и злом. Можно сказать, что это излюбленная антиномия Ф.М. Достоевского – натура и идея. Литературным предшественником великого инквизитора в этом отношении был Раскольников, который на собственном опыте убедился, что, оставаясь человеком в полном смысле этого слова, невозможно не страдать, если ты вынужден совершать нечто антиморальное. Именно этот вопрос затронут в диалоге Раскольникова, Разумихина и Порфирия Петровича, где главный герой говорит о человеке, имеющем право пролить «кровь по совести»: «Пусть страдает, если жаль жертву… Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть» [5, с. 251].

Итак, человек, подобный Раскольникову или великому инквизитору, **сознательно идёт на нравственные страдания и в этом смысле жертвует собой ради того, чтобы осчастливить всех остальных**. Этот мотив впоследствии находит яркое воплощение в произведениях русской литературы послеоктябрьского десятилетия, в которых рассматриваются этико-философская сторона происходящих в стране социальных процессов, а также духовное состояние людей, которые этими процессами руководят. Одной из страшных примет этой эпохи стал красный террор, осуществлявшийся сотрудниками Чрезвычайной комиссии. Литература 20-х гг. XX в. не обошла эту проблему: в ней есть произведения, в которых создан образ сотрудника ЧК как человека безжалостного и в то же время глубоко страдающего, причём эти нравственные мучения являют собой отчётливую параллель страданиям Раскольникова или великого инквизитора. Именно в таком ключе рассмотрена деятельность чекиста в повестях «Щепка» В. Зазубрина и «Шоколад» А. Тарасова-Родионова.

Владимир Зазубрин (Владимир Яковлевич Зубцов) был революционером с дооктябрьским стажем, талантливым пропагандистом; в 20–30-е гг. занимался журналистской, издательской и редакторской деятельностью; репрессирован в 1937 г. и посмертно реабилитирован в 1957 г. Александр Тарасов-Родионов тоже начал революционную деятельность ещё до Октября, затем он был профессиональным военным, а в 20-е годы стал писателем; принимал активное участие в создании группы «Октябрь», а затем – группы РАПП; тоже репрессирован в 1937 г., реабилитирован в 1956 г.

Как видим, в судьбах этих писателей есть много общего. В определённом смысле сходны и судьбы их повестей о чекистах. «Шоколад» под-

вергся осуждению почти всей критики 20-х гг.[1] с конца 20-х не переиздавался и вновь был опубликован лишь в 1990 г. в сборнике «Трудные повести». «Щепка», написанная примерно на год позже «Шоколада», вообще не была опубликована в то время, её напечатали только в 1989 г. Эти произведения в эпоху их создания оказались «не ко двору». Тогда время красного террора уже стало уходить в прошлое, и страна пыталась начать новую жизнь по «нормам социалистической законности», был принят Уголовный кодекс, призванный определить меру наказания для человека исключительно согласно степени его вины перед обществом [7]. А повести В. Зазубрина и А. Тарасова-Родионова вновь привлекали внимание к вопросу о терроре, когда не рассматривалась вина человека, а принимались репрессивные меры по отношению к нему лишь на том основании, что он принадлежал к определённому социальному классу.

Однако в произведениях В. Зазубрина и А. Тарасова-Родионова имеет значение не только названный выше аспект. С точки зрения читателя другой эпохи, пожалуй, намного важнее иной пласт содержания этих повестей – **изображение духовного состояния человека, которого идея вынуждает творить зло и который сам же страдает от этого,** причём он сознательно идёт на эти страдания и в этом смысле жертвует собой. Подобная проблематика роднит эти произведения с романами Ф.М. Достоевского, хотя с точки зрения художественного уровня повести В. Зазубрина и А. Тарасова-Родионова, безусловно, ниже его творений.

В обоих произведениях главные герои руководствуются принципом «цель оправдывает средства», как и великий инквизитор, который готов на ложь и насилие, чтобы обеспечить счастье миллионов людей. Для Андрея Срубова в «Щепке» и Алексея Зудина в «Шоколаде» такое счастье миллионов, «многочисленных, как песок морской» олицетворяет собой революция. И ради нового и светлого мира социализма оба оправдывают самые антигуманные средства. Но как нельзя считать лишь холодным палачом великого инквизитора у Достоевского, так нельзя и назвать безразличными ко всему убийцами Срубова и Зудина.

Герой В. Зазубрина вроде бы без колебаний отдаёт приказы о расстрелах и сам присутствует при казнях, но через всю повесть лейтмотивом проходит мысль о невыносимой для него моральной тяжести этой работы. Не случайно постоянное стремление Срубова (и не только его одного) забыться с помощью алкоголя, не случайно его болезненное отношение к виду крови и мёртвых тел. В своих записках он рассуждает о том, что необходимо организовать сам процесс казни таким образом, чтобы человек, который приводит приговор в исполнение, не видел крови, так как это слишком тяжело. Не случайно автор повести упоминает, что когда Срубов разбирает дела арестованных и принимает их родственников, то он сидит в кресле «на огромной высоте, ему совершенно не видно лиц, фигур посетителей» [8]. Ему гораздо легче обрекать одних на смерть, а других на тяжёлую потерю, когда он не воспринимает их личностно, когда для него они нечто отчуждённое и далёкое.

Затрагивает душу главного героя письмо отца, принципиального противника насилия и террора. Отец Срубова рассуждает в духе Достоевского, почти цитирует Ивана Карамазова: «Представь, что ты сам возводишь здание судьбы человеческой с целью осчастливить людей, дать им мир и покой, но для этого необходимо замучить всего только одно крохотное созданьице, на слезах его основать это здание. Согласился бы ты быть архитектором? Я, отец твой, отвечаю – нет, никогда, никогда, а ты… Ты думаешь на миллионах замученных, расстрелянных, уничтоженных воздвигнуть здание человеческого счастья… Ошибаешься… Откажется будущее человечество от «счастья», на крови людской созданного…» [8]. Андрей Срубов не соглашается с отцом, но всё же не может выбросить из головы это письмо, потому что оно глубоко задевает его, актуализирует разлад его разума и души. По своей натуре герой не склонен к жестокости – об этом говорит эпизод, в котором Срубов и его товарищи не расстреливают, а освобождают арестованных, что вызывает бурную радость не только у тех, кто вопреки ожиданиям остаётся в живых, но и у чекистов: они после этого ощущают какую-то детскую лёгкость и безмятежность, в отличие от тех моментов, когда приходится подавлять в себе всё человеческое.

Закономерна острая реакция Срубова на слово «палач», которым именуют чекистов обыватели и даже некоторые коммунисты: «Палач. Не слово – бич. Нестерпимо, жгуче больно от него. Душа нахлёстана им в рубцы. Революция обязывает. Да. Революционер должен гордиться, что он выполнил свой долг до конца. Да. Но слово, слово» [8]. Как сказал бы Андрей Находка в горьковском романе «Мать», «справедливо, но – не утешает». Срубов рационально принимает необходимость стать палачом, но в душе с этим не смиряется; он старается подавить свои чувства, но не выдерживает насилия над собственной нравственной сущностью, что в конечном итоге и приводит к сумасшествию

героя. Перед нами воплощение непреодолённого и остро переживаемого **противоречия между натурой и идеей**. Это напоминает ситуацию, в которой находился у Ф.М. Достоевского Раскольников, а затем и великий инквизитор: сердце его дрогнуло от поцелуя Пленника, но он не отказался от своей позиции и роли благодетеля-палача; в душе кардинала живёт глубоко скрытое христианское начало, но герой старается подавить его рациональными аргументами.

Если у В. Зазубрина внутренний разлад в душе главного героя является основной темой, подчиняющей себе всё развитие сюжета, то в повести А. Тарасова-Родионова «Шоколад» основа сюжета иная – ложное обвинение в адрес Алексея Зудина и его реакция на приговор. Отношение героя к террору, его душевное состояние в связи с выполнением морально тяжёлой работы – это тема, скорее, периферийная, поэтому писатель не акцентирует внимание на переживаниях Зудина по этому поводу, наоборот, фиксирует его уверенность в правомерности расстрелов сотен людей вне зависимости от их виновности. Однако всё-таки в повести существуют детали, говорящие о том, что и для Зудина **моральные вопросы решаются не так уж просто**. Герой принимает на работу в ЧК секретарём несчастную бывшую балерину, а ныне безработную Елену Вальц, которая явно не принадлежит к победившему классу, не разделяет коммунистической идеологии и даже подозревалась в связи с белогвардейцами-заговорщиками. Поступок Зудина по отношению к ней определяется чистым гуманизмом и доказывает, что в его душе есть христианское начало. О том же самом говорит его чувство вины перед женой и детьми, для которых жизнь рядом с ним оборачивается лишениями и страданиями. С другой стороны, он, как и Срубов у В. Зазубрина, бестрепетно подписывает смертные приговоры и оправдывает террор. Зудин говорит, что не боится ответственности, если в будущем таких, как он, осудят за жестокость. Но сами по себе эти его слова уже свидетельствуют о том, что в душе он чувствует: груз ответственности тяжёл, и тут действительно есть чего бояться. Так что во внутреннем мире этого героя пунктирно намечен тот же разлад между идеей и натурой, характерный для героев Ф.М. Достоевского.

Признаком внутреннего конфликта в душах героев В. Зазубрина и А. Тарасова-Родионова являются и их **напряжённые взаимоотношения с близкими**. И здесь стоит вспомнить Раскольникова, который чувствует, что своим преступлением как будто отрезал себя от остальных людей и даже с матерью и сестрой не может общаться как прежде. Срубов в повести «Щепка» и Зудин в повести «Шоколад» – оба с болью переживают разлад с жёнами, с которыми когда-то были духовно близки, а теперь утратили взаимопонимание и единство, причём определяется это вовсе не какими-то внутрисемейными конфликтами, а именно тем, что оба героя психологически изменились в связи со своей работой, стали чужими для близких. Жена Андрея Срубова довольно точно определяет его внешнее поведение словом «маска»: он действительно вынужден скрывать свою истинную натуру под маской безжалостного палача.

В душах обоих героев есть **стремление оправдать перед собой и другими свою жизненную позицию**, и это свидетельствует о том, что подсознательно эта позиция понимается ими как нуждающаяся в оправдании, то есть они не могут просто уйти от моральных проблем. Андрей Срубов особенно остро переживает историю с отцом: его отец, участвовавший в контрреволюционной деятельности, был расстрелян Исааком Кацем, другом Андрея. Главный герой рационально принимает это как неизбежное, но эмоционально не может с этим смириться. Он сидит за одним столом с Кацем и уверяет его, что всё понимает, но «в глазах Срубова боль, и стыд, и желание, страстное, непреодолимое – оправдываться. И если нет смелости вслух, то хотя бы про себя, мысленно оправдываться, оправдываться, оправдываться» [8]. Зудин в повести А. Тарасова-Родионова пространно объясняет товарищам своё решение расстрелять сотню арестованных в ответ на убийство чекиста Абрама Кацмана, его друга и соратника. Это объяснение было бы не нужно, если бы для героя не существовало моральной проблемы, связанной с террором. Желание объяснить и доказать правомерность своего поступка – это тоже стремление к оправданию, как и у Срубова. Великий инквизитор в произведении Ф.М. Достоевского тоже доказывает Пленнику свою правоту, и, казалось бы, он абсолютно убеждён в ней, но тогда зачем вообще нужен такой горячий и эмоциональный монолог? Ведь Пленник не спорит с кардиналом, и тем не менее инквизитор горит желанием аргументировать свою позицию. Это тоже не что иное, как стремление **оправдаться**, причём прежде всего перед собственной совестью.

Итак, в своих повестях В. Зазубрин и А. Тарасов-Родионов изображают людей, которые, как и великий инквизитор у Ф.М. Достоевского, находятся в состоянии внутреннего конфликта между натурой и идеей, что причиняет им моральные страдания. Они жертвуют собственным душевным покоем ради идей, которые понимаются ими как великие и спасительные для человечества.

Наиболее отчётливо просматривается идея самопожертвования героев в финалах повестей. Надо сказать, что эти финалы соотносимы между собой. В обоих случаях речь идет об аресте главного героя: Срубова готовятся взять под стражу, а Зудин арестован и приговорен к расстрелу. В обоих случаях главному герою «читает лекцию» его товарищ, объясняющий, почему необходимы репрессивные меры. И в обоих случаях герой внутренне принимает свою участь. Правда, в душе Срубова просыпается обида, горечь, но все же побеждает смирение перед идеей, перед революцией, ради которой можно и нужно пожертвовать всем, даже собственной душой, репутацией и жизнью. Автор так представляет читателю его рассуждения о революции: «Всё взяла – душу, кровь и силы. И нищего, обобранного отшвырнула… Видит Срубов ясно Её, жестокую и светлую. Проклятия, горечь разочарования комком жгучим в лицо Ей хочет бросить. Но руки опускаются. Бессилен язык. Видит Срубов, что Она сама – нищая, в крови и лохмотьях. Она бедна, потому и жестокая» [8].

В повести А. Тарасова-Родионова ситуация ещё более красноречивая. Зудина обвиняют во взяточничестве на основании того, что его секретарь Елена Вальц вымогала взятку золотом у родителей одного из арестованных. При этом все члены комиссии, разбирающей это дело, понимают, что Зудин невиновен. Но поскольку ранее его жена взяла у Елены Вальц в подарок шёлковые чулки и шоколад для детей, то этим мотивируется подозрение, что он сам или через жену мог бы взять и золото. По мнению чекистов, простой человек не поверит в невиновность Зудина и решит, что все сотрудники ЧК могут брать взятки, а потому главного героя необходимо расстрелять ради сохранения авторитета партии, ЧК и революции. Ткачеев, который в финале повести «читает лекцию» Зудину, чётко выстраивает логику рассуждений. Он говорит о том, что для борьбы за лучшее будущее необходима хорошо осознаваемая простыми людьми цель (в качестве красноречивого примера Ткачеев приводит хлеб, горячие французские булки – в этом можно увидеть художественную трансформацию одного из мотивов «Легенды о великом инквизиторе», где герой говорит: «… дашь хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба» [2, с. 320]). Однако, по мнению Ткачеева, дело не только в конкретной цели, но и в авторитете руководителя борьбы (и в этом снова есть аллюзия на монолог великого инквизитора, где герой утверждает, что не менее важно, кто овладеет совестью человека: «… он даже бросит хлеб твой и пойдёт за тем, кто обольстит его совесть» [2, с. 320]). И если руководитель и вождь себя дискредитировал, то это неизбежно поставит под угрозу всё великое дело, как доказывает Зудину Ткачеев. Разговор этот заканчивается следующим образом: «Ну скажи, что же с ним делать, чтобы спасти всё великое дело?» – спрашивает Ткачеев. «Убить!» – отвечает Зудин, прекрасно понимая, что это приговор ему самому. Эта сцена перекликается с одним из эпизодов романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», где Иван рассказывает Алёше, как некий помещик затравил собаками мальчика, и спрашивает, как следует по справедливости поступить с таким человеком, а Алёша отвечает: «Расстрелять!» Разница в том, что Алёша Карамазов «приговаривает» другого человека, а Зудин – себя, но все же для Алёши решение не менее болезненно, потому что это касается его христианских чувств и убеждений.

Зудин в повести А. Тарасова-Родионова признаёт справедливость приговора и даже с нетерпением ждёт собственной гибели, несмотря на то что его не просто убьют, но и объявят преступником, предателем и подлецом, а его семья будет обречена на незаслуженные страдания. Герой ради торжества высокой идеи жертвует гораздо бо́льшим, чем жизнь, и это, безусловно, очень высокая степень самоотречения.

У В. Зазубрина уже в названии повести достаточно красноречиво выражена мысль о том, что личность – это ничтожная малость по сравнению с великим историческим процессом. Повесть озаглавлена «Щепка», что явно актуализирует в сознании читателя пословицу: «Лес рубят – щепки летят». Главный герой как раз становится таким отработанным «побочным материалом», «выжатым лимоном», как выражается он сам. Не без горечи и душевных мук, но всё же эта участь им принимается. А в финале произведения А. Тарасова-Родионова Ткачеев произносит перед обречённым Зудиным речь пропагандиста, в которой по-своему переосмысливается образ щепки, отлетающей в сторону при рубке леса. Герой выражает практически ту же мысль, только иными словами, характерными для рабочего: «… мы твёрдо и фаталистически неуклонно, точно стальной острейший резец, движемся всё вперёд и вперёд несокрушимейшим клинком. Пусть мельчайшие крошки нашего стального острия незаметно отскакивают, ломаясь от внешних ударов, – борьба требует жертв» [9, с. 312]. И Зудин – тоже не без страданий и внутренней борьбы – соглашается с участью такой «мельчайшей крошки».

Повести 20-х гг. ярко и убедительно показывают, что сотрудник ЧК, человек, непосредственно осуществляющий «революционную справедливость» [9, с. 285], руководствуясь принципом «цель оправдывает средства», фактически принимает идею «крови по совести» и образ действий великого инквизитора, причём такой человек морально **оправдывает насилие как над другими, так и над самим собой**. Такая мысль прозвучала в 20-е гг. не только в произведениях В. Зазубрина и А. Тарасова-Родионова. Подобный мотив художественно воплотился, например, в повести И. Эренбурга «Жизнь и гибель Николая Курбова». Её главный герой, высокопоставленный сотрудник ЧК, считает себя вправе определять чужие судьбы и обрекать на казнь других людей, но точно так же он фактически казнит и самого себя, когда понимает, что в нём личное чувство одержало верх над «революционной справедливостью», а значит, он совершил преступление с точки зрения собственных принципов. Мотив самопожертвования революционера, и в частности чекиста, нашёл своё воплощение и в публицистике, а также в эпистолярном наследии М. Горького 20-х гг. Например, Эрдэ (С. Книжник) приводит в своей книге об этом писателе его слова из статьи в датской газете «Политикэн»: «Я не могу считать людей, взявших на себя тяжкие обязанности и непосильный труд очистки авгиевых конюшен гнилой русской жизни «палачами народа»: в моих глазах они – жертвы» [10, с. 8]. В письме, адресованном Р. Роллану, Горький говорит о том, что деятели революции вынуждены сознательно «убивать свою душу», так как не могут не использовать иезуитские средства ради достижения будущего всеобщего счастья [11, с. 79]. О Ф.Э. Дзержинском, ставшем на многие годы символом ЧК и красного террора, Горький писал: «В моих глазах Феликс – жертва» [12, с. 417]. Жертвенность именно такого рода была художественно воплощена Ф.М. Достоевским в образе великого инквизитора, который стал для последующей литературы своего рода архетипом. Нам не удалось найти прямые свидетельства того, что В. Зазубрин и А. Тарасов-Родионов при создании образов своих героев-чекистов прямо ориентировались на образ великого инквизитора, хотя обращение к творчеству Ф.М. Достоевского вообще в обоих произведениях явно просматривается[2]. Тем не менее если не генетическая взаимосвязь, то, во всяком случае, типологическое сходство этих фигур, на наш взгляд, существует, и воплощено оно в идее «инквизиторских» страданий и жертвенности.

Примечания

1. Л. Сосновский, например, резко критиковал «Шоколад» и даже называл контрреволюционным произведением, так как автор оправдал «неправый суд»; Н. Чужак осуждал А. Тарасова-Родионова за выражение обывательских представлений о движущих силах революции, А. Лежнев – за слишком жёсткую «идеологическую выдержанность», Л. Авербах – за «достоевщину». В целом повесть приобрела в 20-е гг. скандальную репутацию. См. об этом: Трудные повести. М.: Молодая гвардия, 1990. 543 с. С. 532.

2. В. Астафьев в статье, посвящённой В. Зазубрину, приводит факт, зафиксированный в составленном Н.Н. Яновским «Литературном наследстве Сибири»: «… с классовой тревогой однажды спросил у известной уже в двадцатые годы сибирской писательницы Сейфуллиной один из попечителей молодых талантов и направителей морали того времени: «Зазубрин, вероятно, является поклонником Достоевского?» – и Сейфуллина ответила: «К сожалению, да...» » См. об этом: Астафьев В. Пророк в своём отечестве. О повести В. Зазубрина «Щепка» Электронный ресурс: http://referendum.narod.ru/schepka.htm.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции. // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 250–290.

2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 10 тт. Т. 9. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. 636 с.

3. Куняев С. Всё начиналось с ярлыков // Позиция. Литературная полемика. Вып. 2. М.: Советская Россия, 1990. С. 145-170.

4. Гулыга А. Уроки классики и современность. М.: Художественная литература, 1990. 382 с.

5. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 552 с.

6. Розанов В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария. // Розанов В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. С. 41–158.

7. Фельдман Д., Щербина А. Грани скандала: повесть А.И. Тарасова-Родионова «Шоколад» в политическом контексте 20-х годов. // Вопросы литературы. 2007. № 5. С. 171–208.

8. Зазубрин В. «Щепка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://thelib.ru /books/zazubrin_vladimir/schepka-read.html (дата обращения – 15.08.2010).

9. Тарасов-Родионов А. «Шоколад» // Трудные повести.: Сб. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 211–321.

10. Эрдэ (Книжник С.) Горький и интеллигенция. М., 1923. 32 с.

11. Неизвестный Горький. (К 125-летию со дня рождения): Материалы и исследования. Вып. 3. М.: Наследие, 1994. 355 с.

12. Архив А.М. Горького. Т. 14, М.: Наука, 1976. 480 с.

THE EMBODIMENT OF THE SPIRIT OF THE GRAND INQUISITOR IN THE IMAGE OF THE CHEKA OFFICIAL IN THE NOVELS «THE CHIP» BY V. ZAZUBRIN AND «CHOCOLATE» BY A. TARASOV-RODIONOV

O.S. Sukhikh

The article explores V. Zazubrin’s and A. Tarasov-Rodionov's approach to depicting the situation of a person who is forced to utilize inhumane practices to achieve a goal, which he perceives to be humane. The author observes some parallels in the problems and main motifs in the novels “Chocolate” by A. Tarasov-Rodionov and “The Chip” by V. Zazubrin and investigates the embodiment of the motif of sacrifice in these novels as well as in “The Legend of the Grand Inquisitor” by F.M. Dostoevsky.

Keywords: revolution, goals and means, nature and idea, Cheka official, the Grand Inquisitor, sacrifice, ethical conflict.